

Теория. Методология

© 2005 г.

Д.Г. ПОДВОЙСКИЙ

О ПРЕДПОСЫЛКАХ И ИСТОКАХ РОЖДЕНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

ПОДВОЙСКИЙ Денис Григорьевич - кандидат философских наук, доцент Российского университета дружбы народов.

Постановка проблемы. Когда возникла социология? Кого следует считать ее действительным создателем? На эти вопросы у историков данной науки нет однозначного ответа. Вместе с тем, при ближайшем рассмотрении предмета выясняется, что социология не является "молодой наукой". Во всяком случае, по своему "возрасту" она не уступает большинству из ныне существующих научных дисциплин социально-гуманитарного профиля.

Процесс институционализации социологического знания действительно шел во многих странах с известным (иногда очень существенным) запозданием. Однако такая ситуация является характерной для истории развития многих наук. Процесс дисциплинарного самоутверждения социологии, активизировавшийся на рубеже XIX-XX вв., протекал с переменным успехом в течение всего XX столетия. В какой-то мере это положение сохраняется и в настоящее время (особенно в странах, где возможности развития социологии ограничены обстоятельствами политического и идеологического характера).

Но если институционализация не является отправной точкой в развитии социологической науки, то, спрашивается, откуда же следует вести хронологию пути ее интеллектуальной эволюции? Единого мнения среди специалистов на сей счет нет. Одни исследователи обнаруживают отдельные компоненты социологического дискурса в трудах великих философов Античности - прежде всего, Платона и Аристотеля. Другие находят прообраз социологического рассуждения в ярких, иногда шокирующих реалистической откровенностью сочинениях Никколо Макиавелли. Некоторые обращают свой взгляд за пределы европейской традиции общественной мысли: сторонники такого подхода усматривают значимую составляющую социологического толка в произведениях средневекового арабского историка и мыслителя Ибн Хальдуна. Однако большинство историографов социологии обычно обращаются к анализу базовых концептуальных постулатов западноевропейской социальной теории XVII, XVIII и первой половины XIX веков. В данном проблемном контексте особенно часто упоминаются имена Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш.Л. де Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, А.Р.Ж. Тюрго, М.Ж.А.Н. Кондорсе, К.А. Ген-Симона, О. Конта, А. Кетле, А. де Токвиля и др.

С первого взгляда может показаться, что все дело здесь - в самом слове "социология". Огюст Конт ввел этот термин в научный обиход. Впоследствии данный термин закрепился за определенной областью научного знания, стал самостоятельным, получил широкое распространение. В таком случае о предпосылках возникновения

социологии как науки едва ли можно было бы написать более двух-трех страниц. Однако проблема зарождения и первоначального существования социологии отнюдь не является тривиальной. "Авторский патент" на термин "sociologie" мог присвоить себе другой ученый (не обязательно Конт). Да и сама наука могла получить имя, скажем, "соционмия". Могла она при определенных обстоятельствах сохранить и первичное название - "социальная физика". Но речь здесь, конечно, должна вестись не о конкретном наименовании науки и столь же конкретном его изобретателе, но о самой науке - о науке, как об особом подходе, взгляде, точке зрения на объект, которые до определенного времени по тем или иным причинам были недоступны для потенциальных исследователей. Изучение предпосылок возникновения всякой науки фактически сводится к анализу условий, при которых данный тип человеческого знания как теоретически организованное "интеллектуальное предприятие" становится "необходимым" или возможным. При каких же условиях оказывается возможным существование социологии?

В целях упрощения и известной схематизации дальнейших рассуждений требуется принять рабочее определение социологии. Таковым станет банальная дефиниция, что социология есть наука об обществе. Подобное определение, будучи помещенным в контекст теоретико-методологической дискуссии сегодняшнего дня, нуждалось бы, конечно, не только в основательном уточнении, но и в серьезной апологии. Однако лет 150 тому назад указанное определение (у тех, кто признавал право "новокрещенной" науки на существование), думается, едва ли вызвало бы нарекания.

Итак, если социология есть наука об обществе, то вопрос, касающийся предпосылок возникновения данной науки должен быть переформулирован: когда стала возможной наука об обществе? Наука об обществе возможна, во-первых, если у нее есть объект, т.е. общество, и, во-вторых, если существует особый способ мироориентации субъекта познания, именуемый наукой. Всегда ли существовало "общество" и всегда ли существовала "наука"? Постановка этих вопросов не бессмысленна. Конечно, общество существовало всегда, но не всегда оно становилось объектом (или точнее, предметом) исследования, в том смысле, в котором оно является объектом (или предметом) исследования современных социологов. Сегодня социология может изучать общество дикарей, но у дикарей социологии не было. Получается, что само общество существовало всегда, но не всегда было "видимым", не всегда привлекало к себе определенным образом ориентированный познавательный интерес. Что касается науки, и здесь ответ не столь очевиден. Даже если элементы научного знания мы находим в самой глубокой древности, и не только в ареале влияния Античной цивилизации, из этого следует, что наука как специфический, "комплексный" социокультурный феномен исторически "древнее", скажем, скульптур Донателло или гравюр Дюрера. Черты современной научной картины мира и производшей ее на свет исследовательской методологии начали формироваться не ранее чем пятьсот лет тому назад - в эпоху Ренессанса. Так что науку следует признать явлением сравнительно молодым по меркам истории мировой культуры.

Здесь приходится говорить о двух разновидностях предпосылок возникновения социологии - предпосылках объективных и субъективных. Всякая наука представляет собой взгляд некоего субъекта (именуемого ученым) на некий объект. При этом последний должен быть определенным образом "оформлен", т.е. находиться в определенном "агрегатном состоянии", пригодном для того, чтобы сфокусировать на себе когнитивный интерес исследователя. С другой стороны, потенциальный субъект науки должен обрести готовность "увидеть" объект собственного исследования, причем увидеть в нем именно те черты и свойства, которые ранее не были заметны, не бросались в глаза предшественникам. Именно тогда, когда на находящийся в "должном" агрегатном состоянии объект проецируется "должным образом" методологически оснащенный взгляд исследователя, собственно, и возникает наука. Таким образом, чтобы описать процесс зарождения социологии как науки, требуется охарактеризовать две его ключевые составляющие: 1) комплекс (по большей час-

ти объективно-исторических) условий, способствовавших конституированию понятия "общества" как будущего объекта социологии, и 2) комплекс особых ментально-интеллектуальных "веяний", наблюдавшихся в истории европейской культуры, способствовавших формированию специфически научного образа видения мира (и его социального сегмента).

Время действия - эпоха модерна, место действия - западный культурный регион. Про социологию часто говорят, что она является не просто наукой об обществе, но наукой о современном обществе. Это уточнение в данном контексте представляется важным. В профессиональном словаре социологов оборот "современное общество" (или его аналоги: "современность", "модернити", "модерн") является терминологизированным. Когда социологи говорят о современном обществе, они имеют в виду, как правило, нечто большее, чем общество сегодняшнего дня. Когда они рассуждают о модерне, речь идет не об эпохе распространения одноименного художественного стиля. Общество модерна¹ есть парная категория ("парой" для которой является понятие "традиционного общества"). Говоря об обществе модерна, мы имеем в виду исторически конкретную совокупность систем социально-институциональной организации, которые начали складываться на Западе в период позднего Средневековья и окончательно оформились в своих существенных чертах к XIX в. По сути дела речь идет о западном индустриальном обществе последних двух веков, а также о растянувшейся на ряд предшествующих столетий фазе его "эмбрионального развития". Предполагалось, что до появления первых ростков модерна человечество пребывало "в плену" (возможно, не таком уж неприятном) традиционных форм социальности. Социология возникает в эпоху модерна как своего рода теоретическое самоописание этой эпохи, как проявление "рефлексивной чувствительности" современного общества, его способности и стремления размышлять о самом себе. Если предположить, что именно модерн создал социологию, то резонным было бы также признание что "царство традиции", основанное на "авторитете вечно вчерашнего" (т.е. традиционное общество), социологии породить не могло. Однако оба этих предположения нуждаются в развернутом обосновании.

Здесь также требуется указать, что проект модерна, несмотря на свои универсалистские амбиции, оставался долгое время специфически западным феноменом, распространение которого по миру хотя и совершалось (и с большой настойчивостью), но все же далеко не всегда и не везде с успехом, соответствующим изначальным ожиданиям. Поэтому даже если признать в качестве свершившегося факт успешного покорения "духом современности" пространства человеческой культуры в целом², то и тогда не следует забывать о вполне конкретной локальной генеалогии большинства социальных и духовных явлений, связанных с обобщающим понятием "модернити". Следовательно, про социологию можно сказать, что облик ее в полной мере определяло (и отличало от других творений человеческого духа) ее изначально западное происхождение. Культурной родиной социологического образа мысли является Западная Европа, и это утверждение означает нечто большее, чем простое указание на то, что, скажем, Г. Спенсер и Дж.Ст. Милль были англичанами, братья М. и А. Веберы - немцами, а В. Парето - наполовину итальянцем, наполовину французом.

Объективные предпосылки возникновения социологии: общественная эмансипация и конституирование предметного поля социальной науки. Социология возникла на Западе в эпоху модерна. Такова первичная (она же - финальная) констатация проблемы, требующая систематического разъяснения.

Социальной науке необходимо было обрести собственный предмет - общество. Обществом мы называем некоторую область эмпирической действительности (об-

¹ В дальнейшем использован именно этот "терминологический конструкт"^{1*}.

² Чего, возможно, делать и не стоит.

ественные отношения), а также понятие, призванное обозначать эту область. Общественными (в узком смысле, или социальными) социологи называют отношения, возникающие и формирующиеся в процессе взаимодействия людей в группах. Везде, где есть отношения взаимодействия, есть и общество. Конечно, существование отношений социальной интеракции вовсе не является отличительной чертой современных обществ. Домодезные общества тоже были настоящими обществами, состоявшими из групп ассоциированных человеческих индивидов. Однако проблема здесь заключается в том, что феномены общественного взаимодействия как таковые, судя по всему, очень мало интересовали социальных мыслителей домодезных эпох. Причины этого коренились, по всей видимости, в устройстве традиционных обществ.

Социальный универсум традиционных обществ был организован "по вертикальному принципу". Иерархически-субординационная, ранговая структура доминировала в подобного рода системах над прочими видами координированного взаимодействия социальных агентов. Партикулярные контакты, сфера частной жизни, отношения полов, экономические, профессиональные связи, классовые, этнические, конфессиональные отношения - все это существовало, однако, находилось в тени отношений власти, отношений "господства - подчинения". Уровень "пирамидальности" структур конкретных традиционных обществ мог быть различным (в Афинах времен Перикла - один, в Спарте - другой, в государствах Ксеркса или Дария - третий). Вполне вероятно, что данный уровень иерархичности отношений мог уступать уровням иерархичности отношений некоторых современных обществ. Но, как бы то ни было, горизонтальный срез общества в традиционных социальных системах вообще мало кем принимался в расчет (и это относится не только к политикам и мыслителям, но и к простым участникам социальных взаимодействий в этих обществах). Традиционные общества всегда были идеологически неразрывно связаны с апологией неравенства. Иллюстрация здесь хрестоматийный комплекс высказываний Аристотеля о естественности отношений зависимости, связывающих мужчину и женщину, господина и раба [1, с. 383-384]. Принцип незыблемой вертикальной стратифицированности общества, "освященный разумом и богами", господствовал во всех домодезных социальных системах, даже в "наиболее демократически организованных" (каковой являлась Античная Греция).

Общественная мысль домодезных эпох была мыслью политической *par excellence*. Политика, по Аристотелю, является благороднейшим из искусств, доступным лишь добродетельным мужам. Политика есть общение между равными с целью достижения высшего блага. Однако этот вид общения между людьми - довольно редкий. В перебранке покупателя и торговца на рынке, в хозяйских наставлениях служанке, в разговоре грека и варвара "истинное" общение отсутствует. Поэтому в таких актах взаимодействия нет политики, как и нет ничего интересного с государственно ориентированной точки зрения античного мыслителя. Общество и государство при таком подходе сливаются, становятся мало различимыми. Говоря об общественных делах, мыслители классической древности говорили, прежде всего, о делах государственного управления. На протяжении веков в европейской политической мысли государство будет пониматься как сфера воплощения общей воли и реализации общих интересов. Частная же, или партикулярная воля и интересы рассматривались как, несомненно, зависимые от воли и интересов целого (отождествляемого с государством). Сам концепт "общества" в дискурсе классической домодезной политической теории не занимал самостоятельного места. Лишь Новое время привнесет его в пространство дискуссии, разворачивавшейся в европейской социальной мысли. Получается, что в традиционных социальных системах общества "не то, что не было"; его просто не замечали, - не замечали в силу того, что оно находилось "в состоянии спячки". Социальные теоретики домодезных эпох *смотрели* на общество, но *видели* в нем государство. Все остальное - собственно общественное в обществе (Г. Зиммель), его родовая сущность - естественным образом выпадало из

их поля зрения. Казалось, общество является видовым, вторичным "придатком" к родовому понятию государства (как будто "социальное" является более узким, чем понятие "политического").

Отношения начали меняться в процессе модернизации поначалу еще вполне традиционных западноевропейских социальных систем. Данный процесс был длительным. Его конкретно-исторические обстоятельства слишком известны, чтобы говорить о них подробно. Средневековые сменилось Ренессансом, Ренессанс - Новым Временем, В европейских городах начал формироваться новый тип человека, с новой - специфически современной - ментальностью. То был "буржуа", "бюргер", свободный гражданин, профессионал, мастер своего дела, (пока что латентный) носитель экономического мировоззрения *laissez-faire*. Он не любил аристократию и аристократов, равнодушно относился к государству, поскольку ничем не был ему обязан. Он делал свое дело, знал себе цену и хотел, чтобы к нему и его работе сильные мира сего относились с уважением.

Горизонты общественной жизни неожиданно разверзлись, открыв новую *terra incognita*. Ей стала сфера социального. Выяснилось, что не общество должно служить государству, а наоборот, что первое является родовым понятием, а второе - видовым. Государство превратилось в один среди многих социальный институт, призванный способствовать реализации общественных интересов. Наивный этатизм Древности и Средневековья был публично осмеян и дискредитирован Просвещением. Впоследствии он заметно возмужал в интеллектуальном отношении, заняв позиции глубокой обороны в лоне социальной философии консерватизма. Тем временем идеология *Liberte - Egalite - Fraternite* в женском обличье - с триколором в руках, с обнаженной грудью, в воодушевленной компании вооруженных мужчин - пробивала себе дорогу в жизнь через баррикады, завалы *ancien regime*.

Для обозначения "новообразовавшейся" области жизни стали использовать термин "гражданское общество". Данное понятие включало в себя совокупность всех не "специфически политических" отношений. Обнаружилось, что кроме политики в обществе есть много интересного. Основными (явными или неявными) заказчиками и потребителями социально-философской премудрости в традиционных обществах были представители аристократических элит. Таких людей в обществоведческих трактатах привлекала именно тема политики (как наиболее близкая и "родная" для них). Ученые писания новоевропейских социальных теоретиков были ориентированы на другого потребителя (хотя ими и зачитывались некоторые особы высшего света). Социальная база новой науки о человеческом обществе была "плебейской", а не аристократической. Ее истины имели универсалистский характер, т.е. были адресованы всем. Марксисты не слишком ошибались, когда приписывали социологии статус "буржуазной науки". Данное высказывание, если элиминировать его оценочный аспект, можно рассматривать как эвристически ценную метафору. Социология - наука "третьего сословия", становившегося в Западной Европе на рубеже XVIII-XIX вв. единственным. Речь не о том, что социология выражала интересы буржуазии перед лицом ветхих институциональных и ментальных структур вырождающегося традиционализма, но о том, что она успешно концептуализировала сам строй мировоззрения, типичного для общественного круга, определявшего культурные горизонты нарождающегося буржуазного века. Третье сословие проявляло одновременно любознательность и прагматизм, его интересовало в его собственном социальном окружении буквально все: проблемы исторического прогресса, богатства и бедности, труда и праздности, социальной дифференциации, разделения труда, семьи, религии, форм знания, культурного разнообразия и т.д. и т.п. Все эти вопросы отныне определялись как общественные, попадая тем самым в поле профессиональной компетенции новой науки - социологии (одной из наук об обществе, появившихся в эту эпоху). Общество как совокупность явлений коллективной жизни мыслящего человечества стало осознаваться как факт и как понятие, можно даже сказать, как универсум фактов и понятий. Феномены, составляющие этот универсум, нуждались в

эмпирическом и теоретическом описании, в классификации и систематизации. Социология обрела свой предмет, первичный круг собственных исследовательских задач и представление о практическом предназначении.

Субъективные предпосылки возникновения социологии; генеалогия новоевропейского рационализма и формирование научной картины мира. Но идея социологии явилась порождением не только *общества*, но *культуры* модерна. Новой науке нужен был не только сформировавшийся в основных чертах и доступный наблюдению предмет, ей нужна была особого рода "интеллектуальная оптика", специфическая мотивация, которая побуждала бы исследователя занять по отношению к предмету познания вполне определенную точку зрения. Не всякая точка зрения на предмет является точкой зрения *науки*. Наука есть не просто знание, как и социология есть не просто синоним обществоведения. Наука есть особого рода знание, а социология - особого рода обществоведение. С самого возникновения социология утверждала свой научный статус, ей всегда хотелось быть именно наукой в строгом смысле слова. Поэтому на первоначальном этапе развития она ориентировалась на представление о научности знания, сформированное не ей самой, а воспринятое извне. Методологическим эталоном в разных случаях становились разные науки (механика, биология), но всегда науки *естественные*. По всей видимости, социология не могла возникнуть раньше основного корпуса естественных наук, поскольку ее собственное развитие было в какой-то мере подражательным по отношению к исследовательскому опыту последних. Идеология сциентизма властно довлела над социологическим мышлением XIX в. Но сама эта идеология также должна была возникнуть, и возникла она в русле духовного движения, знаменовавшего собой становление базовых аксиологических структур эпохи модерна.

Не только социология, но и всякая наука не могла нормально развиваться в условиях традиционного общества. Революция в естествознании, совершившаяся в XVI-XVIII вв., была не чем иным как симптомом глубочайшего кризиса данной социокультурной системы. Научное мышление разрушало структуры универсума средневекового мировоззрения, осуществляя процедуру его "расколдования" (М. Вебер). "Романтически-заколдованное царство" средневековой культуры постепенно десакрализировывалось, превращаясь в мегамашину ньютоновской физики. Образ макрокосма, к XVIII в. уже начисто утративший черты прежней таинственности, стал напоминать головоломку для пытливых, но черствых умов. Единственной сферой, про которую естествоиспытатели еще могли произнести сакраментальную формулу "тайна сия велика есть", оставалась область, касающаяся объяснения причин самого акта Творения материальной вселенной (идея перводвигателя). Наука рационализировала мир "до возможного предела", остановившись на рубеже "проклятых вопросов" *о смысле*, которые все еще находились во власти "темного" (с точки зрения науки) царства метафизики.

Общественная мысль домодерновых эпох была не только *не вполне общественной*, но также и *не вполне научной*. В этой характеристике не оценка, а одна лишь констатация факта. Хорошо ли, плохо ли, но обществознание в традиционных обществах опиралось не на естественнонаучную методологию, а на философию в ее классическом понимании, т.е. на метафизику. Прекрасную иллюстрацию несоциологического (и одновременно ненаучного) рассуждения об обществе дает Платон. Почему великий греческий мудрец сосредоточивает внимание на "идеальном государстве"? Ответ прост: его не интересуют "реальные" государства, ибо они для него "нереальны". Платоновское учение об идеях запечатлено в образах знаменитого мифа о пещере [2, с. 295-298]. Вещи или предметы, доступные эмпирическому наблюдению, суть "тени". В них нет истинного бытия, они - лишь "дурное" отражение последнего. Истинным бытием обладают лишь идеи, в частности, идея государства (или "идеальное государство"). Место обитания идей - мир света. Чтобы попасть туда, надо выйти за пределы пещеры, отказавшись от псевдознаний, черпаемых нами (из нашего чувственного опыта). Философы интересуют не явления, но сущность яв-

лений, не феноменальная, но ноуменальная ипостась реальности. Сущности же пребывают в царстве трансцендентного - по ту сторону квазибытия эмпирических предметов и вещей. Идеи добра, справедливости, красоты и т.д. умопостигаемы, а не наблюдаемы, они вечны и неизменны, и достигаемы лишь для вырывающегося из оков повседневности философского взгляда.

Таков пример типичного философско-метафизического взгляда на мир. Сходным образом мог бы рассуждать и средневековый богослов, хотя сама дискурсивная лексика при этом изменилась бы. Ученый же рассуждает совсем по-иному. Он признает свою "относительную слепоту", нисколько ее не стесняясь. Рассуждения о смысле и цели, о первопричинах и началах недоступны ученому. Он целиком и полностью находится в плену пещеры: видит лишь объекты и цвета, которые различает его глаз, слышит лишь звуки, которые улавливает его ухо, и т.д. и т.п. Результаты его наблюдений ограничены рецептивными возможностями аппарата его органов чувств. Быть может, он изучает лишь "тени" вещей, а не сами вещи. Однако об этом он судить не может, поскольку тема "истинного бытия" является для него запретной. С помощью доступных ему средств познания он не может достоверно установить факт существования трансцендентного мира (эйдосов, единой или множественной духовной субстанции, Бога). Покуда "коренные мировоззренческие вопросы" остаются неразрешенными, ученый продолжает путь во тьме. Что же ему остается? А остается не так уж и мало: наблюдать, сравнивать, фиксировать повторяющиеся события, устанавливать их последовательность, обнаруживать регулярные связи и отношения между явлениями ("тенями"). Метафизика продолжает отвечать на "старые вопросы" и конструировать "воздушные замки" (один краше другого), а наука тем временем устанавливает эмпирические зависимости, формулирует их, называет законами, впоследствии опровергая и "зачеркивая" добрую их половину, ставит новые задачи, устанавливает новые зависимости, - в общем, растет и движется вперед.

В области обществознания метафизический образ мысли доминировал вплоть до XVIII столетия. Ситуация осложнялась и тем, что рассуждения в лоне философии об идеях, как правило, незаметно трансформировались в рассуждения об идеалах. Онтологические соображения переходили в деонтологические. Разговор об "истинно сущем" заканчивался разговором "о должном". Таким образом, социология, пребывая еще всецело во власти философии, обретала в качестве дополнительного наставника этику. "Не важно, каково общество есть, важно, каково оно должно быть". Вполне понятно, распространение подобного рода заявлений не способствовало укреплению научно-эмпирической линии в социальной теории. В этом смысле утверждение Н. Макиавелли, что он "предпочел следовать правде не воображаемой, а действительной - в отличие от тех многих, кто изобразил республики и государства, каких в действительности никто не знал и не видывал" [3, с. 46], выглядит как симптом обновления и движения общественной мысли к большей "реалистичности" и "объективизму".

Антиметафизическая революция в естествознании совершилась на несколько веков раньше, чем в области социально-гуманитарных дисциплин. Важнейшим событием, знаменовавшим названный переворот, стало восстание "физики против метафизики", провозглашенное и осуществленное И. Ньютоном. Путь последнего был подготовлен несколькими веками предварительной научной работы и способствовавших ей социокультурных условий. И. Кеплер описал движение планет вокруг солнца с помощью законов, имеющих математическую форму. Г. Галилей ввел в исследовательскую практику естествознания метод систематического эксперимента, в результате чего на свет появилась большая часть интеллектуального здания классической механики. Параллельно с этим в философии можно было наблюдать движение в сторону признания прав науки на самостоятельное существование. Важную роль в этом процессе сыграли представители британской традиции эмпирической философии - сенсуалисты и номиналисты. В то время как первые считали чувственный опыт источником всех человеческих знаний, вторые решительно критиковали

все формы гипостазирования общих понятий в классической метафизике. У истоков указанной традиции стоял Фрэнсис Бэкон, провозгласивший размежевание областей, ведающих "истинами опыта" (наука, индуктивная философия) и "истинами откровения" (теология). Позднее - в XVIII веке - Иммануил Кант сформулирует универсальные эмпиستمологические принципы математического естествознания, в комплекс поставленных им задач будет входить, в частности, задача отделения науки, имеющей дело лишь с "феноменами" (опытными данными), от сферы метафизического знания. К XVIII в. окончательно оформляется и идея детерминизма - в крайней своей версии в виде так называемого "лапласовского" или механистического детерминизма.

Мир представлялся ученым и философам того времени огромным агрегатом, громадным механическим устройством, приводимым в движение неким вечным двигателем. За фасадом этих взглядов скрывались определенные религиозные воззрения, а именно - деизм. Бог уже не воспринимался интеллектуалами как "промышленный", вмешивающийся в дела мира, "своенравный" и непредсказуемый в текущих действиях Субъект. Всемилостивый Творец создал мир, привнес в его жизнь логику и смысл, задал законы его функционирования и придал ускорение его первому движению. Отныне мир как бы предоставлен самому себе. Однако постоянство его внутренних и внешних видоизменений гарантировано незыблемостью установленных Богом и реально действующих в нем законов. Некоторые деисты хвалили Господа за мудрость, некоторые забывали про него совсем, но и те, и другие не переставали удивляться рациональной законосообразности, которую вдохнул Творец в жизнь космического миропорядка. В природе все устроено разумно, и человек как разумное существо, созданное Разумным Творцом "по образу и подобию своему", может и должен постигать законы мироздания. Человек должен использовать заложенные в нем таланты (Мф. 25, 14-30; Лк, 19, 12-27), воспламенить искрой Божьей мир, делать его чище и светлее. Это касается, конечно, и деятельности человека как познающего субъекта.

Определение роли человека в процессе постижения им тайн природы имело основополагающее значение для формирования новоевропейского научного этоса (вне зависимости от характера теологической доктрины, частью которой такое определение могло являться). Духовная активность познающего субъекта поощрялась в разных традициях европейской мысли. По этому пути шли титаны Возрождения и все те, кто хотел им подражать. Идеология Ренессанса определяла творческую мирозидательную деятельность как героическую добродетель. Добывать богатства из кладовой природы, властвовать над ней и в то же время разумно распоряжаться ее дарами, преодолевать обстоятельства, узнавать новое, изобретать, совершенствовать, улучшать жизнь - таковы были духовные ориентиры европейцев ренессансной и постренессансной эпох.

Протестантская реформация, будучи феноменом совершенно иного рода, нежели Ренессанс, тем не менее, указывала сходное направление для реализации жизненных устремлений своих последователей. Протестанты не просто "принимали мир", не просто преобразовывали его "к вящей славе Господней!", усматривая в своей деятельности религиозное призвание (М. Вебер). Они еще и интересовались миром, его устройством, законами. В одной из ранних работ Роберт Мертон показал, что пуританизм, кальвинизм и пиетизм в Англии и странах континентальной Западной Европы существенно способствовали распространению научных знаний и развитию институтов научно-технического (светского, "реального", практически ориентированного) образования [4, р. 574-595]. В получении знаний о мире и последующем использовании этих знаний для его всестороннего улучшения ("мелиоризм") ученые-протестанты видели свою основную нравственно и религиозно обоснованную жизненную задачу. В целом, новоевропейская наука, освободившись от оков теологии, схоластики и метафизики, сформировала собственную методологическую программу. Эта программа подразумевала, что всякое исследование совершается в по-

знавательной ситуации дистанцированного наблюдения субъекта за некоторым объектом, в структуре "телодвижений" которого первый обнаруживает определенные каузальные ряды и экспериментальные единообразия. Эталоном считалась физика, точнее, механика, которая к XVIII в. добилась самых значительных успехов.

Однако в области изучения общественных и культурно-исторических явлений позитивная концепция научного метода, укоренившаяся в естествознании, завоевывала "права гражданства" с величайшим трудом. Между "относительно подобными" этапами в развитии указанных областей знания имел место разрыв, по меньшей мере, в двести лет. И на то были причины. "Запоздание" в развитии научного общественнознания являлось, несомненно, "обусловленным фактом".

Для нормального функционирования науки как целостного духовного образования необходимо соединение идеи *феноменализма* и идеи *детерминизма*. Союз этих идей, часто признаваемых "по умолчанию" (само собой разумеющимися), образует важную составляющую аксиоматики всякой научной дисциплины. Феноменалистическая установка ориентирует ученого на познание мира наблюдаемых явлений, а не мира трансцендентных сущностей. Детерминистская (или в более жесткой версии - *номологическая*) установка предполагает поиск "закономерностей" в рядах наблюдаемых феноменов. Детерминистская позиция исходит из признания "неслучайности" в мире опыта, т.е. наличия устойчивых и регулярных связей между явлениями. Эти связи могут быть зафиксированы и теоретически описаны в такой регулярности и устойчивости, что отнюдь не предполагает вмешательства в описываемый когнитивный процесс метафизики. "Законы", к выведению и конструированию которых стремится наука, сами по себе являются ценным интеллектуальным результатом, вне зависимости от того, какой смысл им может быть приписан в рамках той или иной метафизической (этической, идеологической и т.п.) системы. Знание законов, конечно, может быть полезным с точки зрения тех или иных практических целей. Однако этот факт не отягощает работу "чистого разума" посторонним телеологизмом.

Общественнознание в эпоху раннего Нового времени еще находилось под опекой философии. Неудивительно, что принятию феноменалистической установки в данной области препятствовала типичная для "праматери всех наук" тяга к трансцендентному ("ноуменализм"). Изыскание потаенных сущностей оставалось излюбленным делом абсолютного большинства философов вплоть до середины XIX столетия. "Грешный же мир" с его "ничтожными событиями" интересовал их гораздо меньше.

Что касается детерминизма, здесь ситуация была особой. "Особость" ее определялась спецификой предмета общественнознания. В естественных науках идея "законосообразности событий" утвердилась с легкостью потому, что эти науки в своих исследованиях имели дело с природными явлениями. Последние подчиняются законам механической причинности. В обществе же, как будто, все обстоит совершенно по-иному. Эмиль Дюркгейм писал; "Насколько велик на первый взгляд контраст между простой, неукоснительной последовательностью, с которой разворачиваются явления физической вселенной, и хаотичным, переменчивым, приводящим в замешательство видом событий, которые фиксируются историей! С другой стороны, само то, что мы участвуем в этих событиях, склоняло к мысли, что, существуя через нас, социальные факты зависят исключительно от нас и могут быть такими, как мы захотим. В этих условиях для их наблюдения не было оснований, поскольку сами по себе они не были ничем, черпая все свое реальное содержание только из нашей воли. С этой точки зрения единственный вопрос, который мог возникнуть, состоял не в том, чтобы выяснить, что они собою представляют и согласно каким законам существуют, а какими они могут и должны быть по нашему мнению"[5, с. 266]. Если в обществе действует свободная человеческая воля, о каких законах в таком случае мы можем говорить? Значит, все дело в длине носа Клеопатры, величине лысины Цезаря, или в том, что у Наполеона накануне Бородинского сражения был насморк!

При таком подходе общественная мысль растворялась в разного рода индетерминистских сентенциях и связанных с ними (как показал Дюркгейм) морализаторстве и "нормативизме". Законы (природы) мы можем лишь констатировать, людей же мы можем осуждать, восхвалять и наставлять. О естественных явлениях говорят - *так есть*, о социальных - *так следовало бы; этого могло бы не быть, если...*, и т.д. Природа виделась с данной точки зрения в аспекте *существования*, в то время как общество исключительно в аспекте *долженствования*. Возникла иллюзия, что научно-методологическая стратегия, хорошо зарекомендовавшая себя в естественных науках, совершенно не применима к анализу явлений общественной жизни.

Прошло время, прежде чем идея естественной законосообразности социальных явлений перестала казаться представителям европейской образованной общественности шокирующей и противоречащей здравому смыслу. Мыслители эпохи Просвещения немало сделали для популяризации этой идеи. Особенно четко детерминистский крен мысли прослеживается в произведениях Шарля Луи де Монтескье. Еще в "Размышлениях о причинах величия и падения римлян" он остроумно подметил: "Миром управляет не фортуна... Если случайно проигранная битва, т.е. частная причина, погубила государство, то это значит, что была общая причина, приведшая к тому, что данное государство должно было погибнуть вследствие одной проигранной битвы" [6, с. 356-357]. В монументальном трактате "О духе законов" на сотнях примеров из жизни разных народов и эпох Монтескье продемонстрировал справедливость исключительно важной с точки зрения социологии мысли: история человеческих обществ лишь "интеллектуально близорукому" наблюдателю может казаться случайным скоплением мало связанных между собой фактов. На самом деле социальные феномены, как и прочие элементы системы мироздания, подчиняются известным законам и не только тесно связаны друг с другом, но и с явлениями других областей и групп. Еще около ста лет потребовалось для того, чтобы подобные идеи распространились и закрепились в сознании культурного слоя западноевропейских стран, начав мало-помалу определять умственную атмосферу эпохи. Итогом развития в указанном направлении и стало появление в первой половине XIX в. идейного течения, которое сегодня именуется "первым позитивизмом". Ранняя позитивистская социология - поначалу лишь на уровне деклараций - открыла миру "удивительно простую" мысль. Она предположила, что человеческое *общество* может быть предметом систематического *научного* изучения. И сколь бы простой и банальной ни выглядела эта мысль сегодня, путь к ее утверждению оказался объективно долгим и исполненным множеством исторических и теоретических затруднений.

Резюмируя сказанное, можно ограничиться следующим выводом: Социология возникла в тот самый момент, когда общество как особого рода "объект" попало в "субъективную" перспективу научного видения мира. Для этого наука - как специфическая разновидность когнитивной практики - должна была сформироваться в основных чертах и перенести на сравнительно недавно открытый человечеством феномен (и концепт) "общества" собственный познавательный интерес. Как показано выше, упомянутый комплекс условий сложился на одном из зрелых этапов эпохи модерна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Политика // *Аристотель*. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М.: Мысль, 1984.
2. *Платон*. Государство // *Платон*. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 3. М.: Мысль, 1994.
3. *Макиавелли Н.* Государь. М.: Планета, 1990.
4. *Merton R.K.*, Social Theory and Social Structure. 4 Edition, Glencoe (Ill), 1961.
5. *Дюркгейм Э.* Социология и социальные науки // *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и примеч. *А.Б. Гофмана*. М.: Канон, 1995.
6. *Монтескье Ш.Л.* Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян / Пер. с фр.; Вступ. ст. и коммент. *Н. Саркитова*, М., 2002.